

Связная Молодцова-Бадаева

Работая с молодыми одесскими туристами, я посчитал нужным познакомиться их с героическими страницами обороны, сопротивления и освобождения Одессы. Тогда бюро экскурсий помещалось на Большой Арнаутской угол Базарного переулка. Наша дружба с ними была особенно близка, потому что при экскурсионном бюро был пункт проката туристского снаряжения.

Я попросил сделать нам экскурсию по партизанским местам Одессы. Экскурсоводом была молодая красивая женщина, которую звали Мария Веницкая. В оккупированной Одессе она была руководителем партизанской группы. Ее партизан Жора Дюбакин поднял красный флаг на колокольне Успенского собора 7 ноября 1943 года. Я вспомнил, что наш одноклассник видел, как румынский офицер с напояженными губами заставлял своих солдат лезть на колокольню снимать флаг, и как эти солдаты боялись туда лезть по лесам. В то время ремонтировался собор. Офицер, поднявшийся на маковку колокольни, увидел на чердачке какие-то квадратные ящики, перепутанные провода. Офицер немедленно удрал, боясь мин, и вместо себя послал своих солдат. Солдаты отказывались. Тогда офицер бил их по щекам рукой в белой лайковой перчатке, а потом придумал другое наказание. Он приказал взять ружья за дуло и приклад и положить их на затылок. Потом солдаты с ружьями на затылке должны были сесть на корточки и вприпрыжку совершать круги посредине улицы.

Был полдень. Приехали немцы-саперы. Мин не оказалось. Вместо мин лежали папки для переноски патефонных пластинок. Но красный флаг в течение половины дня был виден даже из самых отдаленных точек города. В то время колокольня Успенского собора была самым высоким сооружением в городе. С помощью "благожелателей" румыны очень быстро определили членов отряда и Марию Веницкую. Офицер потребовал у Марии Веницкой расписку в том, что она не будет воевать против Королевской румынской и союзной германской армий. Мария Веницкая это выполнила.

Таков был наш экскурсовод.

Ровно через полгода приближался день 10 апреля 1952 года. Мы организовали туристский слет в Хаджибейском парке недалеко от конечной остановки 20-го трамвая. Самым ярким событием того слета должно бы-

ло быть посещение катакомб туристами-студентами разных одесских вузов. Так как ожидалось много туристов, нам дали двух экскурсоводов: мужчину и женщину. Женщину звали Галина Павловна Марцишек. Галина Павловна — женщина с постаревшим лицом, в потрепанном пальто серого цвета. По виду ей было значительно больше лет, чем в действительности.

Туристов одного за другим начали пропускать в катакомбы. Мы должны были через один вход зайти, а через другой выйти на ту же поляну. Заходивших людей пересчитывал мужчина-экскурсовод. И вот он сбился со счета. Не то 107, не то 109 человек прошло в катакомбы.

Когда все вышли, мы с Галиной Павловной заново всех пересчитали, проверили, не мог ли кто-то заблудиться или не пойти в катакомбы, а герой этого ЧП стоял рядом с глупой улыбкой. Мы с Галиной Павловной понравились друг другу, и она пригласила меня бывать на ее экскурсиях. Оказалось, что Галина Павловна была связной Героя Советского Союза Владимира Александровича Молодцова-Бадаева.

Как-то у нас случайно зашел разговор о Марии Виницкой. Лицо моей собеседницы перекосила неприятная гримаса. Галина Павловна никогда подписки немцам, что не будет с ними воевать, не давала. Более того, немцы обещали ее немедленно отпустить, если она не подпишется, а только скажет, что не будет больше действовать против немцев. Этого они от нее не дождались. Понятно, что после этого я Виницкую на экскурсии больше не приглашал.

Вскоре мы с Галиной Павловной и с небольшой группой туристов стали довольно часто ходить в катакомбы. У нас был второй проводник — старый шахтер. Он жил в селе Нерубайское, там, где главный вход в Нерубайские катакомбы, и наверху стоял довольно красивый дом. Это было кирпичное здание клуба, сожженное румынами. Примерно через три дома по улице, которая вьется над балкой, был его дом. Пусть он меня простит, но я не помню, как его звали. У него были страшные руки — видно было, что ему руки засунули в дверь, а дверь закрыли. История этого человека

была такова. Когда были схвачены румынами капитан Молодцов-Бадаев и его связные — Тамара Большая и Тамара Маленькая, поступил радио-приказ из Москвы, из Центра, уходить из катакомб на север Одесской области, в Савранские леса, лес Лесничевка и другие. Этот человек со своим сыном, который тоже был в отряде, перебрался в район Балты. Там они удачно акклиматизировались, но сыну не понравилось, что они должны были жить у одной молодки, с которой у отца — по легенде — хорошие отношения. Сын фыркнул и, ничего не сказав, вернулся к матери в Нерубайское. Там его сразу схватили румыны, через некоторое время взяли и отца. Поэтому я никогда не видел его сына — он сидел в тюрьме за предательство. Отец был вычеркнут из списков партизанского отряда, не получал пенсии, и они (жена и пять детей) жили за счет своего огорода. Поэтому всегда, отправляясь в Нерубайское, брали гостинцы: килограмма два дешевых конфет "подушечки" и пару селедок.

Г.П. Марцишек проживала по улице Софиевской, 15, во втором этаже. Из ее окон была видна улица Торговая. На третьем этаже со стороны входа есть гербовые щиты со скачущими всадниками. Я стал часто бывать в этой квартире.

Как-то вечером, придя к Галине Павловне, я застал ее в необычайном возбуждении.

"Буду писать книжку о Молодцове-Бадаеве и о нашем отряде. Вот первая страничка", — сказала она.

Если мне когда-то довелось учить, что у Льва Толстого было тридцать вариантов страницы в романе "Война и мир", то у Галины Павловны их было не меньше. Дело в том, что не каждого человека можно было называть своим именем, то ли потому, что он продолжал находиться на секретной службе, то ли он себя чем-то запачкал, то ли по каким-то политическим соображениям. Так, например, все знают, что капитану Молодцову подчинялся отряд из двадцати комсомольцев, говоривших по-немецки, но никто не мог сказать тогда, что все они были евреи.

В другой раз, придя к Галине Павловне, я увидел сидящего на диване молодого мужчину. Галина Павловна, улыбаясь, представила его: "Вот это Коляка Медерер, о котором я столько говорила".

"Здравствуйте, Николай", — сказал я.

Надувшись, он заметил: "Иванович". Он был лет на пять старше меня и работал механиком в каком-то автохозяйстве.

Помню, как-то я пришел в эту уютную комнату, а Галина Павловна, смеясь, указала мне на окно. В левом окне, недалеко от подоконника, стек-

ла пробиты — пулевой вход. Галина Павловна мне рассказывала, что когда немцы не смогли ничего с ней сделать, то они выслали ее в лагерь смерти под Белградом. В это время (1944 год) было большое наступление Украинского фронта, и узникам ночью удалось бежать. Много людей погибло, продираясь сквозь колючую проволоку, но все же некоторым повезло больше, в том числе и Галине Павловне. Когда они, пробежав несколько километров в темноте, упали на землю, чтобы немного передохнуть и побежать дальше, кто-то попытался застрелить Галину Павловну. Следовательно,

немцы кого-то из своих агентов хотели внедрить к нам, и ссылка на Марцишек, лучше на мертвую, была для него очень кстати...

Я вспоминаю отдельные детали рассказов Галины Павловны.

Улица Золотой Берег. Если идти от шестнадцатой станции Большого Фонтана к морю, на одном из поворотов, со стороны балки, после войны был построен коопторговый магазин с рестораном на втором этаже. За этим магазином к балке тянулся маленький переулок. В следующем по улице доме находилась явка отряда капитана Молодцова-Бадаева. В осажденной Одессе там находился заместитель Владимира Александровича. Дети хозяйки между собой называли его "Главпудра" за то, что он всегда пудрился после бритья. Он и был тем, кто выдал Героя Советского Союза капитана Молодцова-Бадаева. С хозяйкой держали связь два отряда, которые под видом рыбаков располагались в курнях на Большом Фонтане. Предатель ее выдал. Ее звали К. Булавина.

Яша Гордиенко, командир группы верховых разведчиков, жил на улице Нежинской, 75, второй дом от угла улицы Спиридоновской. К нему на квартиру можно было попасть со стороны Нежинской и через чердаки домов, выходящих на маленький скверик, который сейчас носит имя Веры Холодной.

В угловом здании напротив (Спиридоновская, 1), где до революции

Владимиру Коробу
автор мой товарищ в
дружке и машинк
находяк по безмякно
длинным, темным
и танкобесерным
дорогам павучих
Норуганских куржаних
Женно тебе, но най
дуче, задровид, у снак
в жидкий и догжих
дети магазинной
тудра, на бланк
машин Социалдеггеса,
Розни.

Ч/П-МД. Г. Марцишек

помещалось Офицерское собрание, а в годы советской власти — Дом Красной Армии, где в обрамлении красных флагов в большой банке со спиртом плавало сердце Котовского, пробитое пулями, — вот в этом здании и помещалась секретная часть оккупантов. Все попытки внедрить туда своего человека не удались. Бадаев вышел на связь с центром. Ему приказали устроить поджог. Поэтому сейчас в кинотеатре "Одесса", когда откалывается старая краска, на стене виднеется красного цвета камень — следы пожара. Одновременно с Домом Красной Армии сгорело и соседнее здание по улице Спиридоновской угол Нежинской, 73.

Как-то зимой 1942 года Бадаев устроил совещание командиров подчиненных отрядов на квартире у Яши Гордиенко. Неожиданно последний квартал по улице Нежинской, куда выходила дверь явки, был перекрыт румынскими бронетранспортерами. Всех мужчин выгнали из домов последнего квартала и отсчитали каждого десятого. Всех товарищей Молодцова тоже выгнали на улицу. Капитан стоял, прижатый к стене дверью, которая открывалась внутрь, сжимая в руке пистолет. Несколько солдат врага прошли по запасному ходу, проверяя, нет ли там кого. Они пришли со стороны Полицейской.

Было ясно, что это предательство, и облава подстроена. Владимир Александрович не имел возможности выстрелить в себя. При звуке этого выстрела был бы расстрелян каждый десятый из отсчитанных жителей домов по улице Нежинской. Ему осталось отбросить пистолет и выйти с поднятыми руками.

Кстати, после войны во втором этаже этого дома жил командир 248 Одесской дивизии генерал Н.Э. Галай, который освобождал наш город.

Куда повезут арестованных? Налево — это полиция, направо — через Тираспольскую площадь и дальше, по улице Еврейской, так оно и есть — в сигуранцу. Это необычная облава. Владимир Александрович быстро вспомнил:

- Володя! Мы ж собрались на встречу, нужно обязательно вино.
- Не надо, садись.
- Я сейчас!

И он выбежал из квартиры Гордиенко, где происходила эта встреча. Спустя несколько минут он вернулся и поставил на стол две бутылки пива, а еще через несколько минут появились бронетранспортеры. Капитан Молодцов все понял, решение пришло сразу и окончательно. Поэтому, когда его поставили перед следователем сигуранцы, он сразу заявил:

- Ни с одной фашистской сволочью я разговаривать не буду.

Это обязательство он выполнил. Только когда на суде была объявлена амнистия от королевы-матери Марии, если он попросит прощения, капитан Молодцов произнес замечательную фразу:

— Мы на своей земле у врагов пощады не просим.

Больше от него ничего не добились. Эта фраза стала названием книги, которую Г.П. Марцишек посвятила своим друзьям-партизанам. Как звали предателя, я не знаю, но это был заместитель Бадаева, которого дети звали "Главпудра".

Как-то мы с Галиной Павловной стояли у первого номера Нерубайских катакомб — главного входа. Там находилась конюшня. В ней помещались низкорослые лошади, почти слепые. Они вывозили нарезанный известняк. Кстати, он лежал тут же, возле входа, сложенный штабелем. Галина Павловна хмыкнула и улыбнулась. Она указала мне на сожженный клуб и рассказала:

"Мы здесь жили под видом беженцев. Поэтому у нас были припасы и домашние животные. Мое первое задание было: во время воздушной тревоги вывести большую свинью и загнать ее в катакомбы. Свинья отказывалась идти и громко визжала. Еще немного — и будет отбой тревоги, а тогда люди начнут спрашивать, зачем мы ведем животное в катакомбы. Обращению с домашними животными я не была обучена. До войны я работала библиотекарем на станции Одесса-Товарная. Муж мой был тоже в этом не силен: до войны он плавал механиком на теплоходе "Красный профинтерн". Как я сумела загнать эту свинью, я уже не скажу, но задание выполнила".

Вскоре после того как схватили капитана Молодцова, румыны взорвали все входы в катакомбы, которые знал предатель. Когда стало понятно, что ждать Бадаева нет смысла, командование на себя принял начальник штаба Яков Федорович Васин. Остатки керосина заливались в последнюю лампу "летучая мышь" и отдавались тем, кто шел искать выход. Обычно этими разведчиками были Галина Павловна и старый шахтер Гаркуша. Далеко от входа, где обычно никто не бывает, можно и сейчас увидеть "стенгазету":

"Наша Галя может спать.

Нету выхода опять.

Только выход мы добудем.

Мы придем, тебя разбудим"

Эти бесхитростные стихи, не без грамматических ошибок, написали шахтеры-партизаны. Было непросто искать выход. В день нужно было

пробежать несколько десятков километров по ходу, согнувшись в три погибели, а иногда ползая на пузе. Во время одного такого похода, когда не было ни корки хлеба, а весь керосин помещался в одном фонаре, Галина Павловна проходила с Гаркушей катакомбами Среднего Куяльника. По прямой — это километров двадцать наверху при свете. Надо было пройти из села Нерубайское через село Усатово, и там только, у обрыва, был поселок Средний Куяльник. В темноте катакомб пройти этот путь было непросто. Чтобы туда добраться, приходилось лезть ползком, где через воду, где по молодым ходам. Где-то на подходе к Среднему Куяльнику в темноте катакомб вдруг показались фосфоресцирующие кошачьи глаза. Если кот, значит, есть выход. Кот в катакомбах жить не станет. Накопили на высоком потолке отметку "Кот" и пошли дальше искать выход. Выхода не было. Пришлось возвращаться тем же путем. Против отметки "Кот" на полу, на нетронутом песке кто-то написал "Кто". Потушили "мышку" и побежали в темноте. Трудно сказать, сколько петляли, чтобы не привести неизвестно кого в лагерь. Задышавшись, прибежали к своим. Доложили Васину. По его приказу написали под надписью "Кот": "Кажется, мы же же, что и вы". Последовала надпись: "Давайте встретимся". Так бадаевцы встретились с боевым отрядом подпольного Пригородного райкома партии.

В начале лета 1942 года Г.П. Марцишек схватили в селе Усатово румыны и потащили в полицейский пост. Если стоять на насыпи у Хаджибейского лимана у Окружной дороги, лицом к Хаджибейскому парку, вот там, в углу забора, справа, где забор поворачивает под прямым углом вверх по улице, был маленький павильончик-ротонда. В нем размещался жандармский пост. По счастью, кто-то из своих увидел, что полицейские схватили Марцишек, и доложили командованию. Тотчас же нашлись деньги, и Галину Павловну за взятку румыны отпустили. В тот раз ей повезло, но в конце лета все произошло иначе.

Едва Галина Павловна пришла на явку в городе, как хозяин запер связаную и побежал звать полицейских, а его жена смотрела, чтобы Марцишек не убежала.

Галине Павлове пришлось пройти все девять кругов ада. Сначала была сигуранца, она находилась на улице Пушкинской угол Еврейской. Там был двухэтажный особняк, принадлежавший до революции одесскому богачу Анжело Анатра. При советской власти хозяева сменяли один другого. Так, например, в гроте (на втором этаже, два крайних окна со стороны Еврейской) защищал свой проект планера К-5 великий конструктор Ко-

ролев. Перед войной в особняке помещался Дом учителя. При румынах там находилась сигуранца. Когда же румын потеснили их союзники, в этом доме помещалось гестапо. А вот использование "грота" было одинаковым — в нем была камера пыток. Убегая из Одессы, немцы сожгли этот дом.

На противоположной стороне улицы, от Пушкинской, по Еврейской тянулся двухэтажный дом. Следующий был — трехэтажный. Оба здания занимали больше чем половину квартала. В них была следственная тюрьма сигуранцы, а потом — гестапо.

Галину Павловну взяли в конце лета, на ней было легенькое платьице. Офицер, который завел ее в переполненную камеру, указал ей место:

— Будешь спать здесь на полу, лицом к параше.

Я спрашивал Галину Павловну, какие методы применялись плачами в комнате пыток.

— Зачем это тебе? — ответила она.

Я больше не стал спрашивать. Но как-то Галина Павловна сама рассказала, как издевались над узниками в подследственной тюрьме. Как-то Галину Павлову вели по коридору первого этажа. Вдруг открылась какая-то дверь и ее куда-то затолкнули. Это была очень маленькая комнатенка с резким противным запахом. Осмотревшись, она увидела, что у комнаты нет потолка. Вместо потолка — решетка из толстых прутьев. Вдруг на втором этаже открылась дверь, зашел румын и с хохотом начал оправляться. Некуда было укрыться от грязи, которая лилась сверху. В этой комнатке без еды и питья пришлось находиться пару суток. Через каждые двадцать-тридцать минут на втором этаже кто-то заходил. Галина Павловна рассказывала и о другой пытке. Распахивалась металлическая дверка, и человека помещали в стоячий гроб. Кроме того что отекали ноги, ни сесть, ни сменить позу не было возможности, но и еще не хватало воздуха. Человек, запертый в этом гробу, начинал задыхаться. Он сам поглощал весь кислород, и ни от кого нельзя было ожидать помощи. Иногда часовой, стоящий у "гроба", был приличным человеком и в ночную смену он на некоторое время приоткрывал дверь. Узенькая щелочка давала вздохнуть обреченному узнику.

Никто в катакомбах не знал, как и почему пропала Г.П. Марцишек. В камере был разговор, что одну молодую женщину с маленьким мальчиком обещали отпустить на свободу. Галина Павловна осторожно поговорила с этой женщиной и попросила передать привет на волю. Эта молодка выполнила просьбу, не догадываясь, что этим она сообщает партизанам, кто предатель, и как Марцишек схватила сигуранца.

Румыны не знали, что делать с Марцишек. Уж очень им нужно было ее завербовать. Они пытались разными способами найти с ней общий язык. Когда не удалось от нее чего-то добиться, они даже обещали ее отпустить, если Галина Павловна напишет расписку, что она не будет воевать против Королевской румынской и союзной (германской) армий. Последовал отказ. Через некоторое время следователь сказал: "Дай нам честное слово, что ты не будешь действовать против нас, и мы тебя отпустим".

Это предложение тоже было отклонено.

Галину Павловну отправили в лагерь смерти недалеко от города Белграда. Там она пробыла до начала 1944 года, именно того времени, когда ей посчастливилось бежать с группой заключенных. Всю ночь заключенные бежали, опасаясь, что их догонят. Под утро, когда они, измученные, чуть-чуть вздремнули на земле, кто-то в темноте стрелял в Галину Павловну. Значит, побег был подстроен немцами. Очевидно, они хотели воспользоваться именем Марцишек для того, чтобы натурализовать своего шпиона. К апрелю 1944 года Галина Павловна была уже среди своих.

Как-то Галина Павловна, узнав, что я должен ехать в командировку в Москву, дала мне поручение для семьи Молодцова-Бадаева. Мне был вручен запечатанный пакет с адресом. Я уже не помню, что это была за командировка. Кажется, в Центральный совет па туризму. Закончив свои официальные дела, я отправился по указанному адресу.

Если произнести "Моссовет", каждый представит себе дом красного цвета с решетками по правую и левую сторону. Вот, пройдя через ворота с левой стороны, я увидел справа дома и подошел, насколько мне помнится, к третьему дому. Поднялся по лестнице и позвонил в двери. Мне открыла приятная женщина, лет на двадцать старше меня. Это оказалась Антонина Бадаева.

Такую фамилию имела жена В.А. Молодцова, Героя Советского Союза. Пусть она меня простит, но я забыл ее отчество. Она посмотрела на конверт, рассмеялась и пригласила меня войти. Мне стало очень неудобно. Я понял, что Галине Павловне ничего не нужно было серьезного передавать, а все это было задумано только для того, чтобы я побывал в семье героя одесских катакомб. Зная мою любовь к истории Одессы, Галина Павловна пошла на этот небольшой розыгрыш.

Кроме Бадаевой была дочь Владимира Александровича — Люся. Я уже не помню, где был его сын. Антонина Бадаева угостила меня чаем с домашним печеньем. Так что, когда я вел экскурсию по одесским катакомбам, я мог утверждать, что печенье, которое подавалось к чаю в семье Молодцова, было превосходное.

Мы с Галиной Павловной много раз ходили по катакомбам в разных направлениях и с разными целями. Как-то мы пошли в сторону деревни Малая Фомина Балка. Была она небольшой, что-то около тридцати домов. Сейчас такого населенного пункта нет, жители этой деревушки переселились в село Усатово. Мы долго шли и наконец-то подошли к входу (напоминаю, это было под землей), заложенному рельсами. Когда-то здесь был вход, пятый номер. Саперы при оставлении Одессы так взрывали этот вход, а он был глубокий и состоял из подъемника для нарезанного камня и лестницы для людей, что можно было по разрушенным конструкциям подняться на поверхность и спуститься вниз. С поверхности шахта имела разрушенный вид. Сейчас же шахта не существует, и высоко над нами пробегали автомашины по дороге Одесса – Киев – Ленинград, построенной в послевоенные годы. Галина Павловна вспоминала, что много раз пользовалась этой шахтой, отдаленной от жилья и дорог, идя в город на связь.

В другой раз Галина Павловна вспомнила, как во время осады катакомб румынами она шла в разведку на поиски выхода. Вообще, искать выходы было постоянной задачей партизан. Катакомбы были осажены дивизией оккупантов. Днем и ночью часовые противника проходили вдоль обрывов с выходами из катакомб. Каждый раз румынские солдаты находили выход, а партизанам приходилось искать взамен заблокированного новый выход.

Вот пример боевой операции по выходу на связь радиста. Радиоволны не проникают через толщу земли — крышу катакомб, поэтому нужно было работать на поверхности. Румыны первый номер — главный вход в Нерубайские катакомбы — опутали колючей проволокой и повесили между закладками — двумя стенками из камня, противопехотные мины. Партизаны разобрали внутреннюю кладку, осторожно сняли мины, выплавили из них тол и повесили пустые банки на прежнее место. Румынский часовой, проходя мимо наружной закладки, заглядывал в окошко и убеждался, что все в порядке. Из катакомб часовой-партизан следил за состоянием закладок и поведением противника. Ночью, перед тем как выйти на связь, несколько минеров-партизан разбирали кладку, проделывали проход и пропускали бойцов. Те занимали круговую оборону у выхода. За ними шел радист и забрасывал антенну на акацию, которая росла рядом с первым номером. Этого дерева давным-давно нет. После можно было вести сеанс связи.

"Корреспондент № 12." — это был позывной капитана Молодцова-Ба-

дава. Если не будет поставлена точка, это означает, что радиста схватили враги. После сеанса связи все приходилось делать в обратном порядке.

Румынское командование заподозрило, что партизаны все-таки выйдут из катакомб и осуществляют радиообмен. По приказу румынского командования солдаты насыпали у входа № 1 большую кучу золы. Партизанские часовые, которые стояли внутри выхода и вели наблюдение за действиями противника, немедленно доложили об этом капитану Молодцову. В очередной раз, когда партизаны выходили на связь, они взяли с собой золу из подземной кухни и замаскировали следы своего пребывания на поверхности.

Галина Павловна вспомнила случай, происшедший с ней, когда командовал подземным гарнизоном Васин и не было выхода на поверхность. Как-то раз, проходя мимо одного из забоев недалеко от подземного лагеря, она увидела, как оттуда блеснул огонек и раздался детский голос: "А слабо?". Она осторожно заглянула в забой. Там стоял пятилетний Петька, сын одного из партизан, с горящей свечой на голове. В шагах десяти от него — четырнадцатилетний Колька Медерер с пистолетом в руке. "Не попадётся", — сказал Петька, и Колька начал целиться. Рядом стояли другие дети партизан, которые вместе со своими родителями находились в катакомбах. Трудно сказать, как Галина Павловна отвлекла Колино внимание, потому что он от неожиданности мог нажать на спуск. Осторожно она взяла пистолет и вдруг заметила, что из Петиных ботинок торчат пальцы.

— Петя! Отчего у тебя пальцы из ботинок торчат?

— Мыси прогрызли. Мыси, как фашисты — все гризугь. Тетя Галя, ты опять идешь наверх?

— Да.

— А сто там?

— Дома, солнышко, люди, деревья, кошки, собаки.

И вдруг Петька разрыдался.

— Ой, хоцю небо, солнышко и кошку.

Этот пятилетний человек два года, находясь в катакомбах, не видел солнца.

— Вот побьем фашистов, будет солнце, будет небо и кошка. А какую ты хочешь кошку?

— Черную, рыжую, белую, серую и с пятнысками.

Когда удалось найти выход, Петьке принесли пятнистую кошку, по верию приносящую счастье. Сейчас он уже не Петька, а Петр Батькович, и живет по-прежнему в Одессе.

Как мне помнится, в 1961 году Галина Павловна сказала, что к ней приехала студентка-дипломантка из Горьковского университета. Темой ее диплома была тетралогия Валентина Катаева "Волны Черного моря". Вы помните, что туда входит роман "Катакомбы". Собственно этот роман и был основной частью ее работы. Мы поехали в село Нерубайское, встретились там с бывшим партизаном, о котором я уже рассказывал. И через первый номер вошли в катакомбы. Мы довольно долго углублялись по штреку, и там, где штрек поворачивал в сторону, Галина Павловна сказала: "Здесь". Другой дороги не было видно. Галина Павловна поставила фонарь "летучая мышь" на землю. Под стеной известняка была щель, как раз высотой в фонарь. Галина Павловна распласталась на полу, и, продвигая фонарь перед собой, ползла по-пластунски по мокрой глине, устилавшей дно этой щели. Я с электрофонариком полз за нею вслед. За мной ползла эта студентка. Замыкающим полз бывший шахтер.

Щель, по которой пришлось ползти, тянулась метров пятнадцать, а может, и больше. Подняться и двигаться на четвереньках не было возможности. Руки, ноги, да и весь ты прилипал к мокрой глине. Сказать, сколько у нас это отняло времени, — трудно. Наконец ползущая впереди меня Галина Павловна поднялась почти во весь свой рост. Наконец и мы преодолели эту щель и смогли подняться. Перед нами протянулся в темноте довольно высокий и ровный штрек. Первый большой забой, в который вел вход из штрека, был когда-то общежитием молодых бойцов. "Здесь жили наши комсомольцы", — сказала Галина Павловна. Комсомольцев было двадцать. Меж собой они разговаривали только по-немецки, готовясь к агентурной работе. Предательница, врач-немка сумела их "залечить". Когда очередного комсомольца обмывали и хоронили, он оказывался евреем. Соседний забой был женским общежитием. Надо вспомнить о лежанках, которые были в каждом забое. Они были сложены из хороших камней ракушняка, так как лежать на мокром и холодном ракушняке было невозможно. Поверх камней ровным слоем был насыпан сухой навоз, смешанный с измельченной соломой. Эта смесь потихоньку тлела и выделяла тепло. На этом слое лежала парусина и накрывала всю лежанку.

В следующем помещении находился "красный уголок". После того как бадаевцы получили приказ уходить в леса на север Одесской области, сюда вместе с фашистами пришли предатели, и все было побито и поломано в отместку негнибавшему подземному гарнизону.

На стене висела полочка с книгами. Галина Павловна рассказала, что

в "красном уголке" был патефон с пластинками и баян, на котором играл Владимир Александрович Молодцов.

Следующий забой занимал Бадаев. Дальше шли жилые забои, в которых жили семейные партизаны. Один из них занимала Галина Павловна Марцишек со своим мужем Иваном Ивановичем Ивановым до его гибели в бою против румын, прорвавшихся в катакомбы. Он был похоронен в одном из дальних забоев. Вместе с ним Галина Павловна похоронила свой дневник. Предатель выкопал его и передал румынам, разумеется, после того, как партизаны ушли из катакомб.

Дальше шел склад продовольствия, склад оружия и кухни. Все оружие и патроны приходилось постоянно чистить. Где бы ни сидел партизан, он ковырял стенку, измельчал ракушняк и вот этой "пудрой" каждую свободную минуту приходилось чистить патроны, потому что под действием влаги на деталях оружия и патронах появляются дендриты окислов. Если их не почистить, стрелянная гильза не экстрагируется (не извлечется) из патронника, и тогда у тебя вместо ружья окажется железная палка. Взрыватели к гранатам хранились в маленьких мешочках, подвешенных на тесемке под рубашкой на теле, по той же причине.

На кухне были примусы и "грецы" — двухфитильные лампы, которые создавали высокую температуру для приготовления пищи. От горения примусов и "грецов" висела полоса плотного дыма, от потолка и примерно до колен. Так что, дневальным по кухне приходилось заниматься варкой, ползая на четвереньках вокруг "стола", сложенного также из ракушняка. Этот дым уходил в дальний забой и не выходил наружу.

Нужно рассказать, где партизаны брали воду. Три колодца по дороге к воде пересекались катакомбами. Один из них — недалеко от наружного павильона музея катакомб в селе Нерубайское. Так много экскурсантов его посещало, что и вода, и подземная часть колодца сильно закопаны свечками. Разумеется, когда хозяева колодца с пустым ведром отправляли записочки, их перехватывал часовой круглосуточного поста под землей. Второй "колодец связи" находился на улице, ведущей к церкви, с левой стороны среди домов. Колодец и сейчас помещается у самого входа на участок дома, около калитки. Хозяина партизаны заставили работать на себя. Третий колодец находился во дворе одной из трех хат, приткнувшихся справа от церкви. Сейчас он не существует, как уже нет и этих трех домов.

Вернемся к колодцу, которым приходилось пользоваться партизанам. Он был вырублен в полу штольни и наверх не выходил. Понятно, что возле него стоял часовой.

Я не назвал еще два забоя. Один именовался — "Титлера", а другой — "Антонеску". Первый посещали мужчины, а второй — женщины.

У начала и у конца лагеря стояло по часовому.

После осмотра лагеря мы начали собираться в обратный

путь. Там, где нужно было ложиться на живот, я прихватил штук шесть "ершей". Это небольшие "ваньки-встаньки" с острыми шипами. Партизаны связывали их проволокой и закапывали в пыли на дорогах, чтобы портить шины вражеским машинам — и машины "вылетали" под откос. Впоследствии я три "ерша" подарил музею Поста № 1 у могилы Неизвестного Матроса.

Наконец мы выбрались в нормальный штрек. Нормальный проход — это значит, что по нему можно проходить согнувшись.

"Вадим, дай мне слово, что больше сюда не будешь приходить". Галина Павловна имела в виду партизанский лагерь. Я обещал и больше никогда лагерь капитана Молодцова не посещал.

Когда мы выходили из первого номера Нерубайских катакомб, солнце уже пряталось за горизонт. Вдруг дипломантка говорит: "Галина Павловна, давайте с вами сфотографируемся на память у входа в катакомбы!".

Я знал, что Галине Павловне не полагалось с кем-либо фотографироваться вдвоем. Это было связано с ее работой. Конечно, этой девушке было очень нужно сфотографироваться с живым участником событий, описанных Валентином Катаевым. Это, конечно, было очень важным атрибутом для ее работы. Но как она ни уговаривала Галину Павловну, та фотографироваться с нею отказывалась. Вдруг она повернулась ко мне и говорит: "Вадим! Я хочу с тобой сфотографироваться". И студентке: "У тебя ФЭД? Сфотографируй нас у выхода".

Эту фотографию я долгие годы хранил, никому не показывал, чтобы не подвести Галину Павловну.

В последние годы Галина Павловна Марцишек, работая экскурсово-

дом по катакомбам в Одесском бюро путешествий и экскурсий, стала плохо себя чувствовать. Как-то, спускаясь в катакомбы, она, что называется, на ровном месте, сломала ногу. Дали себя знать пребывание в фашистском лагере смерти зимой в летнем платье. Вскоре ее не стало.

Я, будучи экскурсоводом от Бюро пропаганды памятников Одесской областной организации охраны памятников, водил экскурсантов по катакомбам. И делал все от меня зависящее, чтобы прославлять этих замечательных патриотов нашей Родины — Героя Советского Союза капитана Молодцова-Бадаева и его сподвижницу Галину Павловну Марцишек.

И сегодня десятки людей стремятся посетить места боев героического подземного гарнизона. Понять, какой ценой куплено голубое спокойное небо.

Будьте счастливы!

